

Глава 523. Интересно. Любовь

Линь Чуцзю предпочитала делать дело, а не угождать людям. Поэтому, услышав слова Хуа Цзиньжуна, она не посчитала себя оскорбленной. Между ними с самого начала не завязалось дружбы, она бы лучше была прямой, чем заводила друзей. Если бы прямота приносило ей пользу, она предпочла бы быть прямой каждый день.

Оговаривать условия было все равно что вести дела.

Линь Чуцзю не торопилась выставить свои условия, а спросила: «А что семья Хуа может дать мне?»

«Семья Хуа обещала, что, если кто-нибудь сможет найти Сяо Цзю, мы наградим этого человека большим количеством золота и серебра, и мы исполним одно его желание, если только это не нарушит этики нашей страны», – Хуа Цзиньжун тоже не стал ходить вокруг да около, он озвучил условие, которое четыре страны уже знали.

«Золота и серебра не нужно. Если семья Хуа готова оказать мне услугу, я буду очень благодарна». Линь Чуцзю отказалась от золота и серебра не из добрых побуждений, а потому что условие, о котором она собиралась попросить было непростым.

Разумеется, Хуа Цзиньжун тоже это понял. Поэтому, услышав слова Линь Чуцзю, он нахмурился и, покачав головой, отказался: «Семья Хуа не испытывает недостатка в деньгах. Я должен дать вам то, что обещал».

Для таких людей как он, проблемы, которые можно было решить деньгами, были ничтожными. Что было более затруднительным, так это условие.

Когда Линь Чуцзю это услышала, она не стала отказываться. Однако она не собиралась менять своего условия только потому, что семья Хуа даст ей много денег.

«Хуа Гунцзы, вы знаете о войне между Восточной и Северной странами?»

«Семья Хуа не станет вмешиваться в войну между двумя странами», – Хуа Цзиньжун остановил Линь Чуцзю прежде, чем она смогла договорить.

«Я знаю, но это не противоречит государственной этике», – Линь Чуцзю сказала просто, но Хуа Цзиньжун услышал глубокую насмешку в этом предложении.

Но... На такого рода насмешку Хуа Цзиньжун не обратил внимания. Будучи молодым господином, воспитанным в благородной семье, хоть Хуа Цзиньжун и не был таким толстокожим, как некоторые официальные лица, он также и не был хрустальным. Он почувствовал печаль и смущение, услышав насмешку, но не более.

Хуа Цзиньжун посмотрел на Линь Чуцзю с неизменной улыбкой и подождал, пока Линь Чуцзю продолжит.

Линь Чуцзю мысленно обругала улыбающегося тигра перед собой, но продолжила:

«Государственной этике противоречит вмешиваться в войну между двумя странами. Поэтому я хотела поинтересоваться, если бы я попросила Хуа Гунцзы помочь мне спасти человека на поле боя, это тоже противоречило бы государственной этике?»

Такова была настоящая цель Линь Чуцзю.

«Вы хотите, чтобы я помог вам спасти Сяо Ванъе?» – Хуа Цзиньжуну не обязательно было слышать дальнейшие слова Линь Чуцзю, чтобы понять, что она имеет в виду.

«Да, я надеюсь, что Хуа Гунцзы сможет спасти моего принца в один решающий момент». Она спасла жизнь младшему сыну семьи Хуа, так что теперь, когда она просила их спасти Сяо Тяньяо, она не считала, что это слишком большая просьба.

Хуа Цзиньжун не ответил. Вместо этого он спросил: «Я слышал, что Сяо Ванъе плохо с вами обращался? Он даже заставил вас пойти против своей родной семьи, разве нет?»

О прежнем отношении Сяо Тяньяо к Линь Чуцзю мог узнать любой интересующийся. Хуа Цзиньжун явно этим озаботился.

«Ванъе действительно не относился ко мне хорошо прежде», – признала Линь Чуцзю, даже не испытывая при этом смущения или стыда. Это ведь было правдой, не так ли? – «Но как бы плохо Ванъе со мной не обращался, он мой муж. Как муж и жена мы единое целое. Если с ним случится что-то плохое, что я буду делать весь остаток своей жизни?» Хоть Линь Чуцзю не думала, что Сяо Тяньяо умрет, она не могла гарантировать это. Она не могла позволить Сяо Тяньяо умереть. Она не могла просто смотреть, как он умирает.

«После вашего доброго поступка, разве вам нужно об этом волноваться? Если вы захотите, я могу признать вас своей законной сестрой и взять вас с собой в семью Хуа. Потом я позволю вам выйти замуж как законной дочери семьи Хуа», – Хуа Цзиньжун предоставил Линь Чуцзю прекрасную дорогу. По крайней мере, по мнению многих людей, эта дорога была прекрасной.

Со статусом семьи Хуа в Центральной Империи даже приемная дочь могла выйти замуж за члена известной фамилии.

Это предложение было очень приятным, но Линь Чуцзю была непоколебима. Напротив, она саркастически спросила: «Тогда мне придется зависеть от семьи Хуа и угождать ей вечно?»

Если она станет приемной дочерью семьи Хуа, она действительно получит высокий статус, но разве она сможет быть выше, чем родная дочь?

Более того, если она последует за Хуа Цзиньжуна в Центральную империю и станет приемной дочерью семьи Хуа, семья Хуа станет ее единственной опорой в Центральной империи. Тогда, чтобы угодить семье Хуа и чтобы получить поддержку в Центральной империи, ей придется делать для них все. Она станет лишь пешкой в руках семьи Хуа, лишенной всякой свободы воли.

Хуа Цзиньжун не ожидал, что Линь Чуцзю все так хорошо увидит. Он поднял бровь и сказал с улыбкой:

«Если вы останетесь здесь, вам будет не лучше, чем в семье Хуа».

Семья Линь обращалась с ней как с брошенной дочерью. Иначе они бы не выдали ее замуж за Сяо Тяньяо. Линь Чуцзю знала, что слова Хуа Цзиньжуна верны, но...

«Полгода назад, быть может, я бы последовала за вами в Центральную империю, но сейчас в этом нет нужды». Если бы семья Хуа появилась тогда, она бы без колебаний оттолкнула Сяо Тяньяо и пошла за Хуа Цзиньжуном в Центральную империю.

В начале ей было тяжело в поместье Сяо, и ее жизнь постоянно была под угрозой. Чтобы выжить, даже зная, что ее будут лишь использовать другие, она, не колеблясь, покинула бы Восточную страну, но...

Теперь, когда она пережила все это, ей ни к чему было подвергать себя неизвестной опасности, а тем более отправляться в Центральную империю, чтобы угождать другим людям и жить в подчинении.

Такой жизни ей хватило в сиротском приюте!

«Почему же нет?» – Хуа Цзиньжун очень серьезно говорил об этом, и Линь Чуцзю не пыталась ничего скрыть. – «Обычные богатства и почет нельзя сравнить с тем, когда делишь беды и радости. В этот момент я не брошу его. Я даже откажусь от шанса жить в богатстве и славе в этот момент кризиса, только чтобы спасти ему жизнь. Если бы вы были на его месте, разве вы не были бы тронуты?» Это утверждение было на семь пунктов правдой и на три пункта ложью. Это был не расчет, а факты.

Она остается рядом с Сяо Тяньяо в самые трудные моменты его жизни. Даже если Сяо Тяньяо полюбит другую в будущем, он не убьет ее. Разумеется, если она будет достаточно умна.

«Ха-ха-ха... интересно, интересно. Оказывается, вот в чем причина. Хорошо-хорошо, Сяо Ванфэй, вы не уступаете никакому мужчине. Стоило отправиться в путешествие, чтобы увидеть такую интересную женщину, как вы, Сяо Ванфэй», – Хуа Цзиньжун рассмеялся. Он казался очень счастливым.

Его смех, видимо, передался ребенку. Малыш, который прежде радостно играл рядом, услышав смех Хуа Цзиньжуна, отчаянно завертелся и посмотрел на Линь Чуцзю, безостановочно что-то пормоча.

«Молодой господин...» Ребенок вертелся так сильно, что служанка испугалась, что он упадет, так что у нее от волнения вспотели ладони.

Увидев это, Хуа Цзиньжун тут же взял ребенка, но ребенок все равно был беспокойным и пытался дотянуться до Линь Чуцзю.

Хуа Цзиньжун беспомощно улыбнулся: «Мой маленький брат угрожает мне. Похоже, он не будет себя хорошо вести, если я не соглашусь».

Хуа Цзиньжун с насмешкой принял условие Линь Чуцзю.

Линь Чуцзю улыбнулась, встала и взяла ребенка: «Маленький господин мудр».

Это была благодарность!